

Заглавие статьи	Расколдовывание и деконструкция понятия "объект" (методологический анализ)
Автор(ы)	В. М. РОЗИН
Источник	Вопросы философии, № 6, Июнь 2015, С. 41-52
Рубрика	• ФИЛОСОФИЯ И НАУКА
Место издания	Москва, Российская Федерация
Объем	49.2 Kbytes
Количество слов	6436
Постоянный адрес статьи	https://dlib.eastview.com/browse/doc/44717350

Расколдовывание и деконструкция понятия "объект" (методологический анализ)

Автор: В. М. РОЗИН

В статье анализируется философское понятие "объект". Формулируются проблемы и противоречия, которые возникают, когда мы пытаемся понять этот феномен, и предлагается авторский подход к исследованию. Показано, что в античности такого понятия не было, но можно говорить о его предпосылках. С точки зрения автора, понятие "объект" появляется только в Новое время в рамках естественнонаучного и методологического подходов. Анализируется структура этого понятия, включающая много типов, и роль схем в построении объектов.

The author analyzes the philosophical concept of "object". First, he formulates the problems and contradictions that arise when we try to understand this phenomenon, and indicates the author's approach to the study. Then shows that in antiquity there was no such thing, but you can talk about his premises. From the point of view of the author, the concept of an object appears only in modern times within the science and methodological approaches. Analyzes the structure of the concept, including many types, and the role of schemes in the construction of facilities.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: объект, субъект, вещь, реальность, схема, понимание, деятельность, культура.

KEY WORDS: object, subject, thing, reality, scheme, understanding, activity, culture.

Понятие "объект" настолько очевидно и часто употребляемо, что в нем, на первый взгляд, нечего расколдовывать. Но речь пойдет не об обыденном, повседневном понимании этого понятия, а о философском. Последнее же сразу ассоциируется с понятиями "существование" и "субъект". В. Соловьев в словаре Брокгауза и Ефрона пишет, что "...объективный значит имеющий основания в природе вещей, независимо от познающего субъекта. Для наивного реализма все, что дано в чувственном опыте, имеет такую независимую от субъекта реальность и признается в этом смысле объективным". Но тут же Соловьев противопоставляет этому убеждению точку зрения И. Канта, утверждавшего: поскольку "... все, что мы находим в познаваемом, заранее вложено туда познающим субъектом, в виде присущих ему априорных способов или форм познавательной деятельности,

---

то все данные объекта суть, по содержанию своему, лишь представления субъекта, хотя и обусловленные чем-то вне его..." [Соловьев 1907 web].

Но тогда объект вроде бы исчезает, деконструируется, начинает восприниматься как превращенная форма сознания: это всего лишь представления человека, которые, как известно, могут быть субъективными.

И не боролся ли здесь Кант с Д. Юмом, который, объясняя научное познание в духе сенсуализма и аристотелевской индукции, одним из первых среди философов широко употребляет понятие "объект"? "...Человек рожден преимущественно для деятельности и в своих поступках руководствуется вкусом и чувством, стремясь к одному объекту и избегая другого... <...> ...весь материал мышления доставляется нам внешними или внутренними чувствами... <...> ...знание отношения причинности отнюдь не приобретает путем априорных заключений, но возникает всецело из опыта, когда мы замечаем, что отдельные объекты постоянно соединяются друг с другом... <...> Всякая вера в факты или реальное существование основана исключительно на каком-нибудь объекте, имеющемся в памяти или восприятии, и на привычном соединении его с каким-нибудь другим объектом.: <...> Итак, существует род предустановленной гармонии между ходом природы и сменой наших идей" [Юм 1995, 5, 24, 35, 62, 74]. При этом Юм не говорит о субъектах, считая основанием знания не человека, а природу и ее объекты. Напротив, когда Кант принципиально меняет объяснение познания, утверждая, что источником знания выступает человек и Разум, ему приходится ввести понятие субъекта.

"Но свет, - пишет Кант, - открылся тому, кто первый доказал теорему о равнобедренном треугольнике (безразлично, был ли это Фалес или кто-то другой); он понял, что его задача состоит не в исследовании того, что он усматривал в фигуре или в одном лишь ее понятии, как бы прочитывая в ней ее свойства, а в том, чтобы создать фигуру посредством того, что он сам а priori, сообразно понятиям мысленно вложил в нее и показал (путем построения). Он понял, что иметь о чем-то верное априорное знание он может лишь в том случае, если приписывает вещи только то, что необходимо следует из вложенного им самим сообразно его понятию" [Кант 1964, 86 - 87].

Тем самым Кант мог бы сказать, что понятие "объект" не имеет смысла. Однако, как известно, в философии и науке Нового времени это понятие получило широкое распространение, в отличие от античной философии, где его не было вообще. Было понятие "вещи", которое существенно отличалось от нашего понимания объекта. Зато, по мнению А. Ф. Лосева, античное понятие "подлежащее" совпадало с нашим понятием объекта¹. "Есть термин "усия", он имеет много значений. Но два основных: 1) факт, факт бытия от "эйми" - быть, есть; 2) смысл, сущность, значение. Характеризуя свое объективное бытие, грек употребляет термин "усия", но плохо различает факт бытия и смысл бытия... Далее интересная вещь... Есть такой латинский термин "субъектум". Но можно ли его переводить по-русски как "субъект"? Нет, конечно, никакого отношения этот термин к нашему слову "субъект" не имеет. Что значит "субъектум"? То, что от "субицио", то, что подброшено, подложено под конкретное качество и свойство, которым обладает данная вещь, то есть не только совокупность определенных свойств, но она же есть и носитель этих свойств. Так это же объект, а не субъект? То-то и оно! Когда мы переводим латинское "субъектум" русским "субъект" - безграмотно! Латинское "субъектум" соответствует русскому "объект". Вы скажете, а как быть с латинским "объектум"? А это то же самое, только с другой стороны. Приставка "об" указывает на то, что вещь не только находится перед нами, но как бы "насупротив" нас, мы ее как бы

глазами своими видим и руками ощущаем. Так что "субъектум" - это вообще объект, сам по себе, а "объектум" - это такой объект, который дан нашим чувствам" [Лосев 1997 web, 486 - 487]. Как все это понять, и почему тогда понятие "объект" стало широко употребляться только в Новое время?

Другая проблема связана со смыслом оппозиции объект - предмет. С одной стороны, именно предмет позволяет выделить объект, с другой - предмет обычно понимается как знание об объекте или способ его познания. Похоже, понятие "предмет" в философии Нового времени появляется по другой линии, чем понятие "объект". Здесь речь идет не об основании и источнике познания, а об *интенции методологии относительно реальности*.

стр. 42

В "Критике чистого разума" Кант говорит об идеях как чистой интенции разума, совершенно свободной от предмета. "Под идеей я разумею такое необходимое понятие разума, для которого в чувствах не может быть дан никакой адекватный предмет. <...> Назвать идею - это значит сказать очень много в отношении объекта (как предмета чистого рассудка), но именно поэтому очень мало в отношении субъекта (т.е. в отношении его действительности при эмпирических условиях), так как идея, будучи понятием некоторого максимума, никогда не может быть *in concreto* дана адекватно. <...> Вот почему практическая идея всегда в высшей степени плодотворна и в отношении совершаемых действий крайне необходима. Она побуждает чистый разум действительно производить то, что содержится в его понятиях; поэтому о мудрости нельзя пренебрежительно говорить: она только идея; именно потому, что она есть идея необходимого единства всех возможных целей, она как первоначальное, по крайней мере ограничивающее, условие должна служить правилом для всего фактического" [Кант 1998, 417, 418]. То есть идея - это, так сказать, потенциальный предмет, *в предмете разум полагает идею, но уже в форме конкретного знания*. Предмет представляет собой методологический проект, воплотившийся в знании (науке, дисциплине).

Приведу еще одно употребление этого понятия - в современной методологии. Создатель российской школы методологии Г. П. Щедровицкий пишет следующее. "Когда изображение объекта получено, то, отвечая на вопрос, каков же объект, мы можем сослаться на него и сказать (правда, в чистом полагании), что объект именно таков, каким он изображен в сконструированной нами схеме или, более общо, в системе полученных нами знаний. Но очень часто такого полагания просто недостаточно, ибо трудно или вообще невозможно представить себе, что в самом объекте могут существовать и иметь какой-либо смысл многие зависимости, отношения и связи, присутствующие в изображении. <...> По сути дела, это вопрос о "действительном смысле" построенных нами изображений, т.е. об их претензиях на объективность и истинность. Поэтому, отвечая на этот вопрос, мы уже не можем ограничиться одним полаганием существования в объекте тех зависимостей, отношений и связей, которые представлены на самом изображении, или утверждениями, что эти изображения есть особые проекции действительной структуры объекта. Мы должны построить эту структуру и тем самым показать и доказать, что зависимостям, отношениям и связям, представленным в схеме, действительно соответствуют особые зависимости, отношения или связи в самом объекте, такие, что они правильно изображаются (конечно, в том или ином "повороте" объекта) теми отношениями, зависимостями и связями, которые мы получили при построении нашего изображения" [Щедровицкий 1995,475].

Здесь, как мы видим, парадоксально сходятся противоположные точки зрения на понятие "объект": с одной стороны, объект, по Щедровицкому, конструктивен, создается философом (что сближает с позицией Канта), с другой - он существует сам по себе (позиция Юма). Кроме того, в построении объекта, говорит Щедровицкий, большую роль играют схемы, и в данном случае опять можно вспомнить Канта, введившего представления о трансцендентальных схемах.

Чтобы разобраться во всем этом, осуществим методологическую реконструкцию понятия "объект", но сначала я отмечу две особенности своего подхода. Первая: речь идет об авторском методологическом подходе, который я называю "методология с ограниченной ответственностью" [Розин 2002 web]. В плане оснований для него характерны установки на культурологию, гуманитарные науки, семиотику и схемологию, генезис анализируемых явлений, "гуманитарные практики" в духе В. Дильтея и М. Бахтина (отсюда ограниченность методологических возможностей).

Вторая особенность: в ходе реконструкции я постараюсь избегать модернизации понятий, которая порождает противоречия. Например, когда Лосев пишет, что "субъектум - это объект", он, на мой взгляд, осуществляет незаконную модернизацию, поскольку античные представления не допускали такого понятия. Объект не вещь и не "мыслительный конструкт" типа платоновской идеи или аристотелевских категорий. К понятию "объект" приближается только аристотелевское представление о "сути бытия" или "пер-

стр. 43

вой сущности", которая, по Аристотелю, совпадает с единичной вещью. Но и здесь есть существенные различия: например, первая сущность задается как единство противоположных начал (вещь и категория), а объект этого не предполагает; различаются и гносеологические контексты (для Аристотеля - это формальная логика, как нормы правильного мышления, а для Юма - индуктивная логика, заданная образцами естественнонаучного мышления). Чтобы избежать незаконных модернизаций, необходимо обсуждать не только сами понятия, но и пространство концептуализации, в рамках которого они создавались. Например, понятие "объект" создавалось в рамках новоевропейского понимания познания, на него существенное влияние оказало развитие естественных науки и инженерии.

При этом я не отказываюсь анализировать античные понятия, но не в качестве эквивалентов понятия "объект", а всего лишь как предпосылки будущего новоевропейского понятия. Можно указать на две предпосылки: индуктивный подход Аристотеля, задававший определенное понимание познания (в том числе и один вариант новоевропейского понимания, в контексте которого складывается понятие "объект"), и оппозицию понятий вещи - мыслительные конструкты (идеи, сущности, начала и т.п.)². Начнем со второго. Как сложилась данная оппозиция?

Работам Платона и Аристотеля, в которых зафиксирована указанная оппозиция, как известно, предшествовала борьба с софистами. Последние хотели закрепить практику неконтролируемых рассуждений, позволяющих доказывать что угодно, в том числе получать противоречия. Идеолог софистов Протагор в частности утверждал, что "о всякой вещи есть два мнения, противоположных друг другу", а "человек есть мера всех вещей: существующих, что они существуют, и несуществующих, что они не существуют".

В отличие от софистов, Парменид и его последователи (Сократ, Платон, Аристотель), чтобы сделать возможным получение непротиворечивых знаний о действительности с помощью рассуждений и доказательств, потребовали подчинить рассуждения и более сложные процедуры получения знаний (доказательства, решения проблем, опровержения и др.) своего рода "интеллектуальным законам" - *правилам, категориям, образцам правильной мысли*. Если размышлять по поводу центральной идеи парменидовского замысла, то напрашивается мысль, что она основана на использовании представления о *путешествии и обсуждении условий его успешности*. Только в данном случае это путешествие мысли, которая плутает по "дорогам" рассуждения ("суждений"), и чтобы найти путь, ведущий к цели, говорит Парменид, нужно *опереть мысль на сущее ("бытное")*.

Учитывая, что интеллектуальные путешествия (рассуждения, доказательства, процессы познания, судебные диспуты, просто споры) приводили как к знаниям и представлениям вполне разумным, соответствующим опыту и интуитивному пониманию справедливости, так и неразумным и непонятым (апориям), предстояло найти правильный путь (метод) получения знаний (представлений о действительности) и рассказать о нем всем остальным, чтобы те уже не сбивались и не тратили время на поиски дороги.

Заметим, Парменид наметил не сам путь, а только план движения. Его еще нужно было реализовать. Сократ стал давать определения вещам, о которых идет рассуждение, и тем самым инициировал процесс построения "мыслительных конструктов" (в современной философии науки это "идеальные объекты", но ведь мы не хотим заранее предрешать вопрос о существовании в античности понятия "объект"). Платон, объективировав определения, ввел представление об идеях, объявил их подлинной реальностью и подчинил им мир вещей. Аристотель стал рассматривать реальность одновременно как то, что существует онтологически, и как деятельность человека. В результате ему удалось отрефлексировать правильные и неправильные способы рассуждения и познания и создать правила и категории, опираясь на которые можно было рассуждать и познавать без противоречий и других проблем.

Рассмотрим этот процесс подробнее. Если мысль понимается как поиск пути и путь, то как, спрашивается, указать правильный путь для многих? Парменид находит решение, вероятно, подсказанное античной политикой: мысль должна быть подчинена неизменно-

стр. 44

му и понятному для всех закону, но этот закон Парменид истолковывает (если говорить современным языком философии) онтологически.

Мысль и цель этой мысли - одно: ведь ты не приищешь
Мысли без Бытности той, которая в ней изречется.

Бытное там или здесь: оно везде нерушимо,
Всюду равно себе, едино в сужденном пределе.

(Пер. М. Л. Гаспарова)

Парменид объявляет софистов почти сумасшедшими: "Люди о двух головах, беспомощно ум их блуждает". Правильную же, т.е. свободную от противоречий, мысль основатель античного мышления связывает с последним основанием бытия ("бытности"), за которым пока еще угадывается Творец мира. Другими словами, правильная мысль ставится в своем начале, исходя из социальных и онтологических оснований (не может отдельный человек быть "мерой вещей, как существующих, так и не существующих"; напротив, существует только такой мир, *причем для всех*, который допускает непротиворечивые знания).

Следующий шаг делают Сократ и Платон. С одной стороны, Платон опирается на убеждения элеатов, т.е. считает, что мысль должна исходить из твердого неизменного основания и не зависеть от рассуждающего. С другой - вынужден прислушаться и к софистам, в том смысле, что признает множественность знаний и представлений бытного (в языке Аристотеля "сущего"). Разрешая дилемму - есть одно неизменное основание мысли и есть много разных представлений действительности - Платон формулирует известное представление об идеях.

Как же Платон пришел к этим представлениям? Можно высказать следующую гипотезу. Уже Сократ показал, что ошибки в рассуждениях возникают потому, что рассуждающий по ходу мысли меняет или исходное представление, или же переходит от одного предмета мысли к другому, нарушая, так сказать, предметные связи. Вот, пример элементарного софистического рассуждения: "у человека есть козел, у козла есть рога, следовательно, у человека есть рога". В первой посылке связка "есть" - это одно отношение (имущественной принадлежности, т.е. козел принадлежит человеку), а во второй - другое отношение (рога козла - это не его имущество, а часть его тела). Чтобы при подобных подменах и отождествлениях не возникали парадоксы, Сократ стал требовать, во-первых, *определения* исходных представлений (в данном случае нужно определить, что такое человек, козел и рога), во-вторых, *сохранения* (неизменности) в рассуждении заданных в определении характеристик предмета.

Если сравнить предмет, заданный в определении, с эмпирическим предметом (например, козу как собственность и козу как таковую), то легко заметить, что первый предмет - это *мыслительное построение (мыслительный конструкт)*, которое понимается *онтологически*. У эмпирической козы почти бесконечное число свойств (коза - это животное, существо с четырьмя ногами, дающее молоко, приплод, шерсть и т.д. и т.п.), а у *козы как собственности* свойств несколько. Кроме того, в природе, вообще-то говоря, такой козы не существует, хотя она начинает существовать в рассуждении и мысли человека. Иначе говоря, давая определение, человек именно приписывает козе определенные контролируемые в рассуждении свойства, т.е. создает мыслительную конструкцию. Трудно переоценить заслугу Пифагора, Сократа и Платона, запустивших указанный процесс.

Платон сузил бытное Парменида до предмета, заданного в определении, но это, предполагаю, как раз и есть идея. С одной стороны, платоновская идея - это неизменная сущность, предмет мысли, сохраняющийся неизменным в ходе рассуждения, с другой - это то, что задано определением. Получалось, что идеи - это онтологизированные способы нормирования рассуждений, когда в качестве норм выступают определения, которые, однако, истолковываются онтологически как самостоятельные сущности³.

В "Пармениде" Платон пишет, что "...не допуская постоянно тождественной себе идеи каждой из существующих вещей, он (тот, кто "откажется допустить, что существу-

---

ют идеи вещей". - В. Р.) не найдет, куда направить мысль, и тем самым уничтожит всякую возможность рассуждения" [Платон 1993, 357].

Понятие идеи у Платона включает в себя несколько моментов. Идея может быть рассмотрена как истинное знание, положенное в исходный пункт рассуждения. Идея - это то, что в ходе рассуждения должно оставаться неизменным по своим свойствам, иначе возникнут противоречия. Идеи должны отличаться друг от друга, причем для каждой идеи должна существовать противоположная (т.е. Платон объективирует саму процедуру спора, в которой его участники выдвигают противоположные тезисы). Наконец, идеи как норма должны обладать не только свойствами неизменности и системности, но и авторитетности (идеи должны напоминать законы). Последнее требование Платон удовлетворяет, относя идеи к подлинному божественному миру, который припоминает мудрый человек, спасающий себя. Одновременно, как следствие, Платон вынужден утверждать, что обычный мир (вещи) вторичен, отчасти призрачен и должен подчиняться идеям (вещи существуют, говорит Платон, как приобщенные к идеям)⁴.

В отличие от Платона, Аристотель считает, что мир един, а введение идей создает много противоречий. Он заменяет идеи Платона *сущностями*, дифференцируя последние по видам: качество, количество, вид, род и другие. Одновременно, чтобы преодолеть платоновский эзотеризм, Аристотель помещает сущности в единичные вещи; это построение - кентавра, состоящего из *мыслительного конструкта и вещи*, - он и называет "сутью бытия". Когда же Стагирит объясняет связь сути бытия с тем, что он называет *episteme* (сегодня мы термин "эпистема" переводим как "знание", "наука"; но лучше переводить - как те *утверждения*, которые получаются в результате познания, если человек правильно мыслит), то суть бытия он называет "первой сущностью". Роды же и виды, регулирующие получение знаний в рассуждении или познании, Аристотель относит ко "вторым сущностям".

С точки зрения Аристотеля, сущности представляют собой само бытие, а первая сущность, совпадающая с единичными вещами, так сказать, само *основание бытия*, которое он и называет подлежащим ("субъектом"). Как же выявить в вещах их основание ("начало"), которое позволяет получить истинное знание?⁵ Ответ Аристотеля такой: начала можно получить методом индукции, опирающимся на деятельность и ощущение. Обсуждая, например, в "Аналитиках" способность к познанию начал, Аристотель указывает на индукцию, "ибо таким образом восприятие порождает общее" [Аристотель 1952, 288]. Но сходно Аристотель определяет в работе "О душе" ощущение: "...ощущение есть то, что способно принимать формы чувственно воспринимаемых предметов без их материи подобно тому, как воск принимает отпечаток печати без железа и без золота" [Аристотель 1937, 73].

Общий вывод из нашего анализа следующий. Понятие объекта в античности не было, но предпосылки налицо: вещи как изучаемая реальность, мыслительные конструкты как условие и средства изучения, индукция и логика как способ и путь изучения.

Ситуация стала меняться только в средние века, когда на вещи и общее (универсалии) человек стал смотреть с точки зрения деятельности Творца. И вещи и общее (в нашем дискурсе "мыслительные конструкты") - результат творения Бога, и хотя это разные сущности, у них есть единая основа - субстанция. В познавательном же отношении для нее ищется новое осмысление и обозначение. Например, уже Оккам, размышляя по поводу эпистемической основы вещей, субстанции и универсалий, вводит для ее

обозначения термины "объектное бытие" и "объект". Тем не менее стоит подчеркнуть, что средневековое понятие "объект" существенно отличается от новоевропейского. Последнее задается новым пониманием природы и человека, которое складывается в эпоху Возрождения.

Человек не просто подражает божественному Разуму, как у Аристотеля, а начиная с XVI-XVII вв. считается настоящим творцом, как писал Николай Кузанский, "вторым Богом". Природа истолковывается не только как обладающая законами, но заданная математикой и "стесненная искусством", под которым понималась целенаправленная техническая деятельность. Поясню. Бог создал природу и оживляет ее (средневековая точка зрения), но создал природу для человека. В средние века человек был убежден, что для

стр. 46

творения вещей необходимы руководство со стороны Творца, а также синергия действия Бога и человека. Кроме того, считалось, что над действием природы человек не властен. Иначе в Новое время: человек, ощутивший себя творцом, решает встать над природой, овладеть ею, но постепенно уясняет, что необходимое условие этого - познание законов природы, выявление которых возможно не в обычных условиях, а в процессе технического творчества.

"Власть же человека над вещами, - говорит Бэкон, - заключается в одних лишь искусствах и науках. Ибо над природой не властвуют, если ей не подчиняются. <...> Итак, наше требование и предписание относительно истинной и совершенной аксиомы знания состоит в том, чтобы была открыта другая природа, которая могла бы быть превращена в данную природу, была бы однако ограничением более известной природы, наподобие истинного рода. Но эти два требования относительно действенного и созерцательного суть одно и то же. Что в Действии наиболее полезно, то в Знании наиболее истинно" [Бэкон 1935,192 - 193,200].

"Что касается содержания, то мы составляем Историю не только свободной и предоставленной себе природы (когда она самопроизвольно течет и совершает свое дело), какова история небесных тел, метеоритов, земли и моря, минералов, растений, животных; но, в гораздо большей степени, природы связанной и стесненной, когда искусство и служение человека выводит ее из обычного состояния, воздействует на нее и оформляет ее. <...>... природа Вещей сказывается более в стесненности посредством искусства, чем в собственной свободе" [Бэкон 1935, 95, 96].

Известно, что эту программу реализует Галилео Галилей и Х. Гюйгенс. Галилей, изучая свободное падение тел, показал, что математические мыслительные конструкты могут рассматриваться как модели природных явлений (процессов) лишь в условиях эксперимента, где как раз и достигается "стеснение природы посредством технического искусства"⁶. В этом случае конструкты можно было истолковать как законы природы, выявленные в новой науке о природе (получившей позднее название "естественной"). Гюйгенс, опираясь на работы Галилея, создает технический механизм, процессы в котором протекают по законам природы; это был первый образец инженерной деятельности.

В то же время если и ставился вопрос о познании, то нельзя было не заметить, что изучаемые природные явления, с одной стороны, даны исследователю до познания (например, наблюдаемые в природе падающие тела). С другой стороны, в исследовании

они описывались математически и ставились в особые условия (экспериментальные, например, падение тел в среде, где отсутствует сопротивление, поскольку удален воздух), что можно понять как конституирование природного явления ("стеснения его искусством"). С третьей стороны, в инженерной деятельности конституировались природные явления, подчинявшиеся сходным закономерностям (так в точных часах Гюйгенса маятник падал по закону, установленному Галилеем). Могло ли понятие вещи охватить эти разные моменты: явление как существующее независимо от исследователя и как конституируемое им, причем творя (на основе мыслительных конструктов, в эксперименте и в инженерной деятельности)? В первом случае свойства явления еще неизвестны (поэтому, вероятно, Кант и вводит понятие "вещи в себе"). Во втором они заданы мыслительными конструктами (в естественной науке *математикой*, а в философии, гуманитарных и социальных науках, как я стараюсь показать, *схемами* [Розин 2011^a]) и указывают на основание (сущность) явления. В третьем и четвертом случаях свойства явления создаются с опорой на данные основания и с использованием техники. Понятие вещи окончательно перестает работать и уступает место новому понятию - "объект", "подсказанному" средневековым понятием "объект", соединявшим в сакральной интенции вещи и понятие о них, замысел и его реализацию.

Этимология слова "объект", отчасти, облегчала дело: происходит от лат. *obiectum* (*objectum*) буквально "брошенный обо что-то", от *objectus* "лежащий (находящийся) впереди". "Брошенный обо что-то" может быть сопоставлено с "подлежащим" и "основанием". "Лежащий впереди" (аналогично с этимологией термина "проект" - "брошенный вперед") - с процедурами конституирования явления в исследовании и в инженерной дея-

стр. 47

тельности. Чтобы нечто конституировать, необходим замысел и его реализация, а результат, действительно, еще впереди.

Но, конечно, из этимологии нельзя вывести понятие, этимология только облегчает выбор слова (в данном случае слова "объект"). Понятие нужно построить, осуществив рефлексивную определенность содержания, свернув это содержание в *форме нового понятия*. Содержание было охарактеризовано четырьмя моментами восприятия явления, сложившимися в рамках естественнонаучного познания и инженерной деятельности. А форма понятия или концептуализация объекта была представлена так: *объект противопоставляется субъекту, который этот объект познает (получает о нем знания, конституирует), объект содержит в себе свойства, которые и выявляются субъектом, эти свойства объясняют знания, выявляемые в познании объекта*. Интуитивно объект понимается и как существующий до исследования, и как конституируемый в ходе исследования, а также в практической деятельности (например, инженерной или проектировочной).

Это самая простая, так сказать натуралистическая, форма понятия "объект". Существуют и более сложные, например, в философии Фихте или в теории деятельности (психологической или методологической, см. выше размышления Г. П. Щедровицкого).

Вторую линию становления новоевропейского понятия "объект" (первая задавалась рассмотренной выше логикой естественнонаучного подхода) можно увидеть в контексте формирования методологии. В методологии, которая формируется начиная с работ Ф. Бэкона и Р. Декарта, принципиально меняется объяснение способов получения знания.

Источник и основание знания не объект и индукция или чувственное восприятие, а *мышление*, понимаемое, во-первых, как *способ получения новых знаний*, во-вторых, как *деятельность человека*, в-третьих, как *управление этой деятельностью*, в-четвертых, как *изучение самого мышления*.

В результате развития методологии кардинально меняется понимание новых знаний и научных дисциплин, как, впрочем, и других новых практик. Они истолковываются в том плане, что *в их становление существенный вклад вносит методология*. Конкретно это понимается так: сначала в методологии создается замысел и проект новой дисциплины, затем они реализуются в конкретной научной или иной практике (научной, инженерной, педагогической, практике искусства и др.). Однако чтобы сохранить преемственность и не потерять свой предмет, методолог осуществляет проблематизацию и критику, ведет исследование, причем не только в отношении реформированной области, но и по отношению к собственной деятельности (мышлению).

Рефлексируя в "Критике чистого разума" новое понимание знания и науки, как возникающих в результате *методологической работы* (она осознавалась через фигуру Разума, обладающего систематическим единством), Кант и говорит о предмете в оппозиции к идеям. В современном методологическом языке кантовские идеи - это *методологические замыслы и проекты, система Разума - принципы организации и конструктивизации их*, предмет - сначала эти замыслы и проекты *в интенции* на реализацию в конкретных дисциплинах (частным случаем такой дисциплины может выступать и сама философия, как это, действительно, имело место в "Критике"), *потом уже реализованные и работающие* в этих дисциплинах *замыслы и проекты*. Первое относится к *становлению* предмета, второе к его *функционированию*.

Функционирование предмета - это получение новых знаний без перестройки предмета за счет сложившихся в его рамках *типов задач, методов, понятий, онтологии*. Их выделение, в свою очередь, предполагает методологическую рефлексию и анализ, но уже тех способов работы, которые имеют место и допускаются в предмете.

Становление и функционирование предмета включают такой важный момент, как построение объектов, что и понятно, ведь объекты, как выше отмечалось, - итоговая конструкция мыслителя, исходный же пункт всего построения задается предметом. Объекты эти разные, но все в объеме новоевропейского понятия объекта. На стадии замышления и проектирования это объекты, заданные в методологических *схемах* (сравним с эскизами в проектировании); их можно менять и конкретизировать, что и отвечает задаче перестройки сложившихся дисциплин и создания новых. Поскольку эти схемы должны быть

стр. 48

реализованы в новой дисциплине, заданные в них объекты *полагаются как объекты будущего предмета*.

На стадии реализации методологических проектов создаются "идеальные объекты", т.е. мыслительные конструкты, понимаемые как объекты. Как я показываю в своих исследованиях, им приписываются такие свойства и характеристики, которые позволяют мыслить непротиворечиво, решать проблемы, поставленные философом (методологом), реализовать ценности и видение самого мыслителя (см. [Розин 2008^a; Розин 2011^b]).

На стадии функционирования предмета выделяются "эмпирические объекты"; они, с одной стороны, объективно существуют (это *объекты природы* или *культурные феномены*), с другой стороны, рассматриваются как объекты, которые должны быть введены в предмет (именно для этого создается онтология). Онтология представляет собой своего рода конструктор, позволяющий, "поглядывая" на эмпирические объекты, создавать нужные идеальные объекты. То есть на этой стадии не только выделяются эмпирические объекты, но и создаются соответствующие им, описывающие, объясняющие их идеальные объекты (объекты самого предмета). Еще раз подчеркиваю: все эти объекты охватываются новоевропейским понятием "объект", предполагающим связь мышления с естествознанием и инженерией, а также с методологией.

Для всех типов субъектно-объектного дискурса характерны три эпистемологических условия: *вынесение мыслящего за пределы познания* (он понимается как своего рода демиург), *приверженность к естественнонаучному подходу, полагание объекта (или объективного мира) как существующего независимо от изучения*. Но уже Кант чувствовал, что такой дискурс плохо работает в философии (если только она не стремится стать наукой наподобие естествознания), поэтому, вероятно, избегал пользоваться понятием "объект". И совсем перестает работать такой дискурс в гуманитарных науках, где, как указывает М. Бахтин "... не один, а два "духа" (изучаемый и изучающий, которые не должны сливаться в один дух). Настоящим предметом является взаимоотношение и взаимодействие "духов"" [Бахтин 1979, 349], где "нужно предоставить голос изучаемому". Переводя на язык субъектно-объектного дискурса, утверждения Бахтина можно переформулировать так: в гуманитарных науках мы не имеем дело с объектами, и исследователь и исследуемый вроде бы не объекты. Чтобы пояснить этот выглядящий несколько странным тезис, приведу одно свое гуманитарное исследование - жизни А. С. Пушкина.

Читая письма Пушкина, я поймал себя на мысли, что мне совершенно непонятны ни поступки, ни высказывания великого поэта, особенно по отношению к женщинам, кутежам и карточной игре. В то же время игнорировать свое непонимание я не мог, слишком велико в моей душе было значение Пушкина: следуя за Мариной Цветаевой, я вполне мог сказать "мой Пушкин". Я не мог жить с таким пониманием, точнее непониманием, и отмахнуться от возникшей проблемы. Читая письма дальше, я с определенным удовлетворением отметил, что сходная проблема не давала покоя и Петру Чаадаеву. Не правда ли, удивительно: Чаадаев пишет, что Пушкин "мешает ему идти вперед", спрашивается, при чем здесь Пушкин, иди вперед, если хочешь. Но в том-то и дело: если Пушкин мой, во мне, часть моего я, то не могу отмахнуться, если не понимаю или не одобряю его поступки.

В результате я вынужден был начать сложную работу. Вспомнив совет Бахтина, который писал, что "...чужие сознания нельзя созерцать, анализировать, определять как объекты, как вещи, - с ними можно только диалогически общаться, думать о них - значит говорить с ними, иначе они тотчас же поворачиваются к нам своей объектной стороной..." [Бахтин 1979, 116], я решил предоставить голос самому Пушкину, чтобы он отвечал на мои недоумения. Для этого я искал в его письмах ответы на мои вопросы, пытался увидеть мир его глазами, сам и с помощью Ю. Лотмана реконструировал его время, нравы, обычаи и т.д. и т.п. Но одновременно как методолог я знал, что научное исследование, в данном случае культурологическое и гуманитарное, предполагает построение идеальных объектов, т.е. приписывание (естественно, не произвольное, а обоснованное) Пушкину определенных характеристик. Как же совместить эти два методологических требования: предоставить голос Пушкину и представить его как идеальный объект? Вероятно, решил

я, нужно, чтобы первое не противоречило второму, и наоборот. Вот какие характеристики я приписал Александру Сергеевичу.

Например, я понял, что Пушкин был романтиком, что карточная игра в его время имела совершенно другой смысл, чем в наше (это была форма преодоления несвободы), что отношение Пушкина к женщинам отчасти было обусловлено тем, что он был помещиком, что на Пушкина большое влияние оказывали его друзья, не согласные с его образом жизни, наконец, и сам Александр Сергеевич все больше осознавал несоответствие своего образа жизни с ролью национального поэта России.

Опираясь на все это, т.е. сконструированный мною образ Пушкина (мыслительный конструкт), я смог показать, что на рубеже 1830-х гг. с Пушкиным происходит духовный переворот. Он пересматривает свою жизнь, отказывается от прежних ценностей, принимает на себя ряд задач, направленных на служение России. Я анализировал поступки Пушкина и старался понять их мотивы, короче делал все, чтобы Пушкин, действительно, стал моим, чтобы Пушкин, как писал Чаадаев, позволил мне идти своим путем, чтобы я смог жить вместе с Пушкиным [Розин 2008^б, 108 - 135].

С точки зрения нашей проблематики Пушкин не выступал для меня натуралистическим объектом, я не полагал его заранее, как обладающего определенными природными свойствами. Характеристики Пушкина проявлялись в ходе моего исследования и интерпретаций, которые к тому же были методологически продуманы и спланированы. Гуманитарные и методологические исследования и интерпретации существенно отличаются от естественнонаучного изучения. "Такое понимание интерпретации, - пишет Л. А. Микешина, - заставляет переосмыслить основное представление о познании, выявить ограниченность классической "отражательной" парадигмы. В основе этой парадигмы, как известно, лежат принятые не только наивным реализмом, но и классической наукой допущения о том, что существуют объективные факты, не зависящие от интерпретации, что "чистое", незамутненное предрассудками и "идолами" отражение не только возможно, но и является условием истинности и адекватности знания как соответствия действительности. Однако сегодня приходится принимать как данность совсем другой "образ" познания, в чем и убеждает меня опыт описанных ранее различных когнитивных практик, включающих процедуры интерпретации" [Микешина 2002, 377]⁷.

Кажется, какая разница: натуралистический объект, существование которого относится к природе, или объект, создаваемый методологом? Различие существенное. Методолог относит свои идеальные объекты, рассматривая их именно как мыслительные построения, не к природе с ее вечными законами, а к реальности своей работы и мышления. Другое дело, что пока эти построения не раскритикованы и не опрокинуты другими мыслителями, он считает, что так и есть все на самом деле, как эти построения указывают.

Вывод очевидный: новоевропейское понятие объекта включает в себя много разных типов (мы здесь рассмотрели только три: натуралистическое в схеме субъект - объект, гуманитарное и методологическое). Последний вопрос о роли схем в построении объектов.

Напомню, что я понимаю под схемами. Схемы позволяют разрешить проблемную ситуацию, в которую попадает человек, задают новую реальность, обеспечивают понимание и возможность действия. Например, в "Пире" Платон вводит *схему*

андрогинов, т.е. рассказывает о монстрах, составленных из двух людей; Зевс разрезал андрогинов на половинки и раскидал в разные стороны, но половинки стали искать друг друга, чтобы воссоздать целое; поэтому герой диалога дает такое определение любви - это стремление к целому и поиск своей половины. Схема андрогинов позволила Платону переключить любовь с родового понимания на личностное, она задает новую реальность любви, в которой человек не ждет, пока Эрот поразит его золотой стрелой и у него возникнет страсть неизвестно к кому, а пытается осознать свои принципы жизни и ищет свою половину, разделяющую подобные принципы.

Поскольку схемы задают реальность, причем вполне определенную (чтобы стало возможным понимание и действие), они создают два важных условия и для *объективации* (полагания объектов). Во-первых, схемы позволяют перейти от проблем и ценностей человека к определенной реальности, во-вторых, задают предварительные (рабочие) характе-

стр. 50

ристики этой реальности. Третье условие, лежащее за пределами схематизации, - построение с опорой на схемы самих объектов. Чаще всего в качестве инструментов объективации используются категории и понятия.

Вот яркий пример. З. Фрейд полагает психику как объект психоанализа. При этом он стремится реализовать в психологии естественнонаучный подход. Но условием этой реализации, как показывает анализ, выступает построение психотехнических схем, которые помогают Фрейду понять, что он делает с пациентами, почему они сопротивляются его интерпретациям, каким образом убедить их, чтобы они приняли эти интерпретации. На основе построенных им психотехнических схем Фрейд и задает объект психологии. Для этого он истолковывает реальность, заданную в психотехнических схемах, в естественнонаучном ключе, т.е. трактует процессы и структуры этой реальности в естественной модальности и вводит физикалистские понятия (либидо, сопротивление, взаимодействие, сохранение энергии и др.) [Розин 2006, 13 - 33].

Существуют и другие способы построения объектов, например, в рамках сведения в теории к уже построенным объектам. Но если речь идет о построении принципиально новых объектов (даже в теории), обойтись без схем невозможно. В конце концов, объекты - это то, что создает человек, и только схемы, что я старался показать во "Введении в схемологию", указывают путь от человека к этим построениям [Розин 2011^a]. Однако было бы неправильным считать, что схемы создаются именно для построения объектов. У них свои функции, среди которых могут встречаться и интересующие нас здесь, т.е. создание условий для построения объектов.

ЛИТЕРАТУРА

Аристотель 1934 - *Аристотель*. Метафизика. М.; Л., 1934.

Аристотель 1937 - *Аристотель*. О душе. М, 1937.

Аристотель 1952 - *Аристотель*. Аналитики. М., 1952.

Бахтин 1979 - *Бахтин М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.

- Бэкон 1935 - *Бэкон Ф.* Новый органон. М., 1935.
- Кант 1964 - *Кант И.* Критика чистого разума // *Кант И.* Соч.: в 6 тт. М., 1964. Т. 3.
- Кант 1998 - *Кант И.* Критика чистого разума. Пер. с нем. Н. Лосского. М., 1998.
- Лосев 1997 web - *Лосев А. Ф.* Двенадцать тезисов об античной культуре // *Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А.* и др. Античная литература: Учебник для высшей школы. М., 1997 (http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Losev/Losev_12Tezis.php).
- Мамардашвили 1995 - *Мамардашвили М.* Лекции о Прусте. М., 1995.
- Микешина 2002 - *Микешина Л. А.* Философия познания. М., 2002.
- Платон 1993 - *Платон.* Парменид // Соч.: в 4 т. М., 1993. Т. 2.
- Розин 2002 web - *Розин В. М.* Методология с ограниченной ответственностью (первая мета-методологическая программа) // Кентавр. Сетевой журнал. 2002 (<http://circleplus.ru/archive/disclub/archive/18/12>).
- Розин 2006 - *Розин В. М.* Становление психоанализа в творчестве Зигмунда Фрейда и Анны Фрейд // *Философские науки.* 2006. N 12.
- Розин 2008^a - *Розин В. М.* Наука: происхождение, развитие, типология, новая концептуализация. Москва; Воронеж, 2008.
- Розин 2008^b - *Розин В. М.* Особенности дискурса и образцы исследования в гуманитарной науке. М., 2008.
- Розин 2011^a - *Розин В. М.* Введение в схемологию. Схемы в философии, культуре, науке, проектировании. М., 2011.
- Розин 2011^b - *Розин В. М.* Научные исследования и схемы в Московском методологическом кружке. М., 2011.
- Соловьев 1907 web - *Соловьев В.* Объект, философское понятие // *Энциклопедический словарь ФА. Брокгауза и И. А. Ефрона* (http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/136811/%D0%9E%D0%B1%D1%8A%D0%B5%D0%BA%D1%82).
- Щедровицкий 1995 - *Щедровицкий Г. П.* Заметки о мышлении по схемам двойного знания // *Избранные труды.* М., 1995.
- Юм 1995 - *Юм Д.* Исследование о человеческом разумении. М., 1995.

Примечания

¹ Действительно, греческое слово "подлежащее" (υποκειμενον), буквально "подлежащее", а "субъектум" - это калька с "гюпокейменон". По Аристотелю, подлежащее -

это *первая сущность*, совпадающая с *отдельным предметом* (этот Сократ, это дерево), которая *реально лежит в основе вещей* (под-лежит) и *ни о чем не сказывается*, напротив, все другие сущности (вторые) сказываются о первой (например, Сократ - человек, дерево - живое; здесь "человек" и "живое" по отношению к "Сократу" и "дереву" выступают как вторые сущности).

² Далее мы будем просто писать "мыслительные конструкты".

³ Кстати, Аристотель четко отрефлексовал этот момент. "Теория относительно идей получилась у высказывающих ее вследствие того, что они насчет истины прониклись гераклитовскими взглядами, согласно которым все чувственные вещи находятся в постоянном течении; поэтому если знание и разумная мысль будут иметь какой-нибудь предмет, то должны существовать другие реальности, <устойчиво> пребывающие за пределами чувственности: о вещах текучих знания не бывает. С другой стороны, Сократ занимался вопросом о нравственных добродетелях и впервые пытался устанавливать в их области общие определения (из физиков только Демокрит слегка подошел к этому и некоторым образом дал определения для теплого и для холодного; а пифагорейцы - раньше его делали это для немногих отдельных вещей, понятия которых они приводили в связь с числами, указывая например, что есть удача, или справедливость, или брак). Между тем Сократ правомерно искал существо вещи, так как он стремился делать логические умозаключения, а началом для умозаключений является существо вещи... Но только Сократ общим сторонам вещи не приписывал обособленного существования, и определениям - также; между тем сторонники теории идей эти стороны обособили и подобного рода реальности называли идеями" [Аристотель 1934, 223]

⁴ Подобное решение, вероятно, сложилось под влиянием пифагорейцев, считавших, что человек может обожиться (т.е. попасть в другой подлинный мир, где он будет бессмертным), если будет стремиться познавать подлинный мир на основе чисел и чертежей.

⁵ Это основание Стагирит называет "началом", указывая на два его значения: начала - исходный пункт рассуждения (а дальше можно мыслить, опираясь на сформулированные Аристотелем правила и категории), и начала задают сущность изучаемого явления.

⁶ В эксперименте создавались условия, под воздействием которых природные процессы вели себя в соответствии с математическими конструктами.

⁷ Сравним с высказыванием М. Мамардашвили, касающимся ситуации, когда практически невозможно говорить о субъекте и объекте. "Просыпающийся человек устами Пруста задает себе вопрос: почему, просыпаясь, я это я, а не другой? Об этом стоит подумать". И дальше: "...мы начинаем понимать, что это мистическое ощущение есть, конечно, попытка человека вернуться и возобновить некое элементарное чувство жизни как чего-то, по определению, неделанного и незавершившегося... Так, мы считаем, что Христа распяли и его агония случилась. А мистическое ощущение - это ощущение себя присутствующим во всем мире, во всех событиях мира; они случаются тогда, когда я присутствую. И поэтому распятие Христа принадлежит человеческой истории в той мере, в какой оно есть длящееся или неслучившееся событие, внутри которого мы не должны спать. Это событие длится вечно" [Мамардашвили 1995, 302].